

— Калью, скажите, пожалуйста, каким вам представляется сегодняшний молодежный театр?

— Мне кажется, что деление театров на взрослые и молодежные очень формально. Прежде всего надо быть хорошим театром. Тогда к нам пойдет зритель. И молодежь — в первую очередь. А насильное формирование молодежного репертуара мне кажется неприемлемым. Если в данный момент я не вижу чисто молодежной пьесы — я возьму лучше что-нибудь «взрослое». Поставленная молодым режиссером и сыгранная молодыми актерами пьеса эта, возможно, и найдет тот отклик в душах молодых зрителей, о котором мы мечтаем. А зритель наш и на самом деле молод. Восемьдесят процентов наших посетителей — в возрасте от четырнадцати до тридцати. Дети тоже ходят. Но для них

МОЛОДЫЕ НА СЦЕНЕ И В ЗАЛЕ

С большим успехом проходят в Ленинграде на сцене Дворца культуры имени Дзержинского гастроли Государственного Молодежного театра Эстонской ССР. Пятый сезон руководит коллективом молодой режиссер Калью Комиссаров. Сегодня он — наш собеседник.

мы ставим только настоящую литературу, произведения мировой классики. Прimitивная детская пьеса нас не интересует — я думаю, она достаточно частая гостья на телеэкранах, повторять это же в театре нет никакого смысла...

— Вы говорите о молодости вашего зрителя, но ведь и труппа ваша вполне соответствует понятию молодежного театра, что бывает, увя, далеко не всегда. Вы стали главным режиссером в двадцать восемь...

— Да. А как может быть иначе? У нас в труппе есть один очень «старый» артист, ему тридцать девять лет. А средний возраст труппы — двадцать пять — двадцать шесть. У нас молодой главный художник, молодой заведующий литературной частью... Такая вот компания.

— В последнее время о молодежном театре было много разговоров. В частности, вставал вопрос — нужны ли молодежному театру «звезды», или прежде всего важен ансамбль, а не актер как таковой...

— Я бы не стал здесь высказываться категорически. Думаю, что все зависит от этапа развития театра. Если театр поработал уже сорок лет — в нем обязательно есть «звезды». Если десять лет — в нем могут быть «звезды». Но все зависит от того, какие у режиссера отношения с труппой. Нам, например, до последнего времени надо было выступать, что называется, «единым кулаком», тогда было не до «звезд». А вот теперь уже мы можем думать о том, чтобы работать на кого-то одного.

— В вашем театре заведующий литературной частью работает популярный не только у вас в Эстонии молодой писатель Мати Унт. Это влияет и на престиж профессии зрялителя и на уровень литературной деятельности театра...

— Да, Мати Унт работает с нами уже четвертый сезон. Раньше он был у Ирда в «Ванемуине» — то есть вся его сознательная жизнь прошла в театре. Теперь он с нами, и мы играем все его новые пьесы. Он очень театральный человек и не дрожит за каждое слово, понимая, что пьеса рождается в репетиционном процессе, общими усилиями драматурга, режиссера и актеров. Кстати, Мати Унт — один из секретарей Союза писателей Эстонии. Его помощница в театре — молодой критик, кандидат искусствоведения Калли Ванавески. Так что, как видите, к литературной деятельности мы относимся всерьез.

— В последние годы всеобщую и заслуженную славу обрела молодая эстонская режиссура — не задумываясь, можно назвать имена: Микк Миккивер, Эвальд Хермакула, Яан Тооминг, Карин Райт... А как складывается ситуация с молодой драматургией?

— Молодая драматургия у нас гораздо слабее театра. Если можно на одном дыхании назвать не меньше десяти действующих молодых режиссеров (тем, кого вы называли, исключая Миккивера, немногим за тридцать, по есть и те, кто моложе, но уже известны своими постановками), то из драматургов мы назовем Ветемаа, Унта и, пожалуй, остановимся...

Что касается нашей молодой режиссуры, то стоит задуматься над таким фактом: все сегодняшние режиссеры вышли из актеров, все они и по сей день очень хорошие актеры. И вот уже подросла новая ак-

терская волна, и из двадцатипятилетних, играющих в нашем театре, четверо начали работать как режиссеры — это Петерсон, Волконский, Кильвет, Спринт. Для начала им позволили «самовыразиться», они ставили то, что хотели, им ничего не навязывали и ничем их не ограничивали. Я думаю, что только таким путем может происходить нормальное становление молодого режиссера.

И вообще у нас нет такого порядка: сегодня мы должны ставить классику, завтра — западную пьесу, а послезавтра — национальную драматургию. Я думаю, что рождение спектакля — процесс естественный и свободный. Если мы готовы к классике, если чувствуем, что есть основания для обращения к ней, — мы будем ставить подряд хотя бы три классические пьесы. По плану у нас семь новых постановок в сезон, а мы выпускаем двенадцать. И я ничего не могу с этим поделаться, потому что молодые хотят ставить, и должны ставить, и я обязан им эту возможность дать.

— Достаточно посмотреть на вашу репертуарную афишу, чтобы сделать вывод: эстонский Молодежный театр не боится острых проблем, а ставит их откровенно и смело...

— Я считаю, что если серьезные и насущные проблемы мы будем обходить стороной, то просто не стоит работать. Может быть, это уже «пережест», но в нашем репертуаре нет ни одного развлекательного спектакля. Мы выходим только на проблемы. Но при этом отнюдь не собираемся прятать «фиги в карманах», а хотим о том, что волнует, говорить честно, открыто, с полным доверием к своему зрителю.

— С того момента, как вы выпустили свой знаменитый спектакль «Процесс», прошло уже четыре года. Помню, тогда мнения о нем резко разделились. Многих испугала ваша силовая, «агрессивная» режиссура. Считаете ли вы и сегодня, что такое «настугление» на зрителя — лучший способ докричаться до его сердца?

— С тех пор я успокоился. Мне вообще кажется, что театр сейчас снова идет к актеру, к психологическим разработкам, к углубленному анализу. Режиссерских трюков как таковых стало намного меньше. Театр делает сейчас новый виток — на накопленном багаже экспрессивного, эмоционального действия вновь стремится к утонченной психологии, к возрождению подлинной актерской природы. Мы снова уходим от условности, от формальных приемов, к которым столько лет стремились. От того, что завоевано, остаются движение, динамика, напряженный ритм действия. Но в ход идут новые правила игры. Или хорошо забытые старые?

— Трудно представить, что это говорят постановщик «Процесса». А что вы уже сделали, исходя из новых своих представлений о театре, и что впереди?

— Моя последняя работа — чеховская «Чайка», с которой я решил познакомить ленинградских зрителей. Мне кажется, что в последнее время люди — особенно люди искусства — во многом утратили свою жизнеспособность. Первый же конфликт, первое серьезное столкновение с реальностью их ломает, выбивает из колеи. Об этом мне и хотелось поставить «Чайку» — об ответственности человека перед своим талантом, перед жизнью, о жизнеспособности, без которой не может быть художника. А впереди у меня — «Карлик» по Перу Лагерквисту и «Мать Иоанна от ангелов» Ивашкевича.

Беседу вел
Т. ОЮГОВА